

УДК 347.44:004.738.5

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ДОГОВОРА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ

Полуянов Степан

магистрант, Московский финансово-юридический университет

business.alik@gmail.com

Аннотация

Цель исследования состоит в выявлении устойчивых правоприменительных подходов к квалификации момента заключения и порядка расторжения договора, оформленного в электронной форме, а также в оценке достаточности действующего нормативного регулирования для разрешения конфликтов, возникающих на этих стадиях договорного процесса. Эмпирическую базу составили 58 судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции за 2023-2025 годы, тексты пользовательских соглашений шести цифровых платформ и материалы аналитических обзоров. Применялись формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод контент-анализа договорных конструкций и количественная обработка судебной статистики. Установлено, что в 67,2 % изученных споров предметом конфликта выступали либо момент заключения договора, определяемый через акцепт конклюдентными действиями, либо допустимость расторжения в том же порядке, в котором договор был заключен. Требования о признании договора незаключенным удовлетворялись в 41,4 % дел, тогда как требования о расторжении электронного договора в одностороннем порядке удовлетворялись лишь в 23,5 % случаев, что свидетельствует о более высокой степени судебного контроля за прекращением обязательства по сравнению с его возникновением. Научная новизна заключается в обосновании асимметрии судебных подходов к заключению и расторжению электронного договора и в выявлении процессуальных барьеров, препятствующих эффективной защите слабой стороны на стадии прекращения обязательства. Сделан вывод о необходимости унификации требований к фиксации волеизъявления при расторжении и о дополнении законодательства презумпцией осведомленности стороны, направившей уведомление в электронной форме, о его доставке контрагенту.

Ключевые слова: электронная форма договора, момент заключения договора, акцепт конклюдентными действиями, расторжение договора, электронный документооборот, электронная подпись, судебная практика, цифровые платформы.

ELECTRONIC FORM OF CONTRACT: CURRENT ISSUES OF CONCLUSION AND TERMINATION

Stepan Poluyanov

Master's student, Moscow University of Finance and Law (MFUA)

business.alik@gmail.com

Abstract

The study aims to identify persistent law enforcement approaches to qualifying the moment of conclusion and the procedure for terminating a contract executed in electronic form, and to assess the adequacy of current statutory regulation for resolving conflicts arising at these stages of the contractual process. The empirical base comprises 58 judicial acts of commercial and general jurisdiction courts for 2023-2025, the user agreements of six digital platforms, and analytical review materials. The methods employed include formal legal analysis, comparative legal analysis, content analysis of contractual structures, and quantitative processing of judicial statistics. It is established that in 67.2 % of the examined disputes the subject matter of the conflict was either the moment of conclusion of the contract, determined through acceptance by conclusive actions, or the admissibility of termination in the same manner in which the contract was concluded. Claims for declaring the

contract not concluded were satisfied in 41.4 % of cases, whereas claims for unilateral termination of an electronic contract were satisfied in only 23.5 % of cases, which indicates a higher degree of judicial control over the termination of an obligation compared to its formation. The scientific novelty lies in substantiating the asymmetry of judicial approaches to the conclusion and termination of an electronic contract and in identifying procedural barriers preventing effective protection of the weaker party at the stage of termination. It is concluded that there is a need to unify the requirements for recording the expression of will upon termination and to supplement legislation with a presumption that the party sending a notification in electronic form is aware of its delivery to the counterparty.

Keywords: *electronic form of contract, moment of contract conclusion, acceptance by conclusive actions, contract termination, electronic document flow, electronic signature, judicial practice, digital platforms.*

Введение

Расширение практики оформления договорных связей посредством электронного обмена документами и акцепта условий интерфейса цифровых платформ привело к тому, что классические категории договорного права, сформированные для бумажного оборота, вынужденно применяются к отношениям, в которых само волеизъявление опосредовано техническими средствами. Статья 434 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает заключение договора в форме электронного документа, а статья 160 того же кодекса признает электронную подпись способом, приравненным к собственноручной, однако обе нормы сформулированы как управомочивающие, а не как устанавливающие исчерпывающий набор требований к электронной форме [7]. Подобная техника регулирования оставляет значительный простор для судебного усмотрения, что на практике оборачивается нестабильностью правового положения сторон, особенно когда речь заходит о расторжении уже исполняемого договора.

Предшествующие исследования внесли заметный вклад в осмысление поднятой проблематики. Е. А. Летягина обосновывает тезис о том, что электронная сделка не может рассматриваться как абсолютный аналог сделки, совершенной в письменной форме, поскольку фиксация воли в цифровом пространстве предполагает использование особых технических средств, влияющих на доказательственную силу документа [1, с. 251-252]. В. С. Харьков акцентирует внимание на противоречии между принципом автономии воли и автоматизированным характером заключения договоров, а также на разрыве между технической скоростью исполнения и необходимостью правовой гарантии достоверности [2, с. 208-209]. А. А. Волос указывает, что статья 160 Гражданского кодекса Российской Федерации регулирует допустимость доказывания факта заключения договора и его условий, а не субъективные права участников оборота на использование электронных средств коммуникации, и формулирует опровержимую презумпцию того, что стороной сделки, заключенной посредством электронной идентификации, является субъект, указанный в документах о сделке [3, с. 69-70]. В работе А. С. Кускова и Н. В. Сирик проблемы заключения и расторжения электронных договоров рассматриваются на материале туристского бизнеса, где соответствующие конструкции осложнены публично-правовыми требованиями к оформлению электронной путевки [4, с. 439-441]. Д. П. Стригунова анализирует электронную форму контрактов через призму международной конвенции об электронных сообщениях и российского законодательства, отмечая фрагментарность последнего [5]. Отдельного внимания заслуживают обзоры практики оформления click-wrap и browse-wrap соглашений, в которых фиксируются типичные дефекты интерфейсных решений, затрудняющие доказывание факта акцепта [11].

Несмотря на накопленный теоретический материал, остается недостаточно исследованным вопрос о том, почему суды демонстрируют существенно различающуюся степень строгости при оценке заключения и расторжения электронного договора. Если применительно к заключению практика выработала относительно устойчивые критерии, связанные с акцептом конклюдентными действиями и проверкой принадлежности

электронной подписи, то применительно к расторжению такие критерии остаются размытыми. Цель настоящего исследования состоит в выявлении устойчивых правоприменительных подходов к квалификации момента заключения и порядка расторжения договора, оформленного в электронной форме, и в оценке достаточности действующего регулирования для разрешения конфликтов на этих стадиях. Достижение поставленной цели предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач: во-первых, установление нормативной основы электронной формы договора и ее отличий от письменной формы; во-вторых, количественный и качественный анализ судебных актов, в которых оспаривались момент заключения либо порядок расторжения электронного договора; в-третьих, сопоставление выявленных подходов с доктринальными позициями и определение направлений совершенствования законодательства.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили три группы источников. Первую группу образуют нормативные положения Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», а также разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [8; 9]. Вторую группу составили 58 судебных актов, отобранных методом сплошной выборки из числа дел, рассмотренных арбитражными судами и судами общей юрисдикции в 2023-2025 годах, в которых предметом спора выступали либо момент заключения договора в электронной форме, либо допустимость и порядок его расторжения. Критериями включения служили наличие в мотивировочной части ссылок на статьи 160, 434, 435, 438, 450 или 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также прямая постановка вопроса о юридической силе электронного документа или электронного уведомления о расторжении. Третью группу источников образовали тексты пользовательских соглашений шести цифровых платформ, размещенные в открытом доступе, и аналитические обзоры судебной практики, опубликованные в профессиональных изданиях.

Методологический аппарат включает формально-юридический анализ нормативных конструкций, позволивший установить соотношение между электронной и письменной формой договора, а также сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления судебных подходов к заключению и расторжению. Контент-анализ пользовательских соглашений дал возможность выделить типичные способы фиксации акцепта и порядка расторжения, используемые операторами платформ. Количественная обработка судебных актов осуществлялась посредством подсчета частоты встречаемости отдельных оснований оспаривания и исходов рассмотрения требований, что позволило установить статистически значимые различия между спорами о заключении и спорами о расторжении. Дополнительно применялся метод юридического прогнозирования для оценки вероятных последствий предлагаемых изменений законодательства.

Результаты

Анализ нормативной основы показал, что статья 434 Гражданского кодекса Российской Федерации рассматривает электронный документ как одну из разновидностей письменной формы договора, а не как самостоятельную форму сделки [7]. Такая законодательная техника означает, что к электронному договору субсидиарно применяются все общие правила о форме сделок, включая требования к подписи и к моменту заключения. Вместе с тем статья 160 того же кодекса допускает использование электронной подписи или иного аналога собственноручной подписи, чем создает предпосылку для расхождения между формальным требованием о письменной форме и техническим способом его выполнения. Изучение пользовательских соглашений шести цифровых платформ выявило, что во всех шести случаях акцент оформляется либо проставлением отметки в интерфейсе, либо совершением действий по использованию сервиса после регистрации, причем ни одно из соглашений не содержит положений, детализирующих порядок расторжения, отличный от порядка заключения. Подобная асимметрия договорных конструкций воспроизводится и в судебной практике.

Количественный анализ судебных актов выявил, что в 39 из 58 изученных дел, что составляет 67,2 %, предметом конфликта выступали либо момент заключения договора, определяемый через акцепт конклюдентными действиями, либо допустимость расторжения в том же порядке, в котором договор был заключен. При этом требования о признании договора незаключенным были удовлетворены в 24 делах, что соответствует 41,4 % от общего числа рассмотренных споров, тогда как требования о расторжении электронного договора в одностороннем порядке удовлетворялись лишь в 23,5 % случаев. Разрыв в показателях объясняется тем, что при оценке заключения суды сосредоточены на проверке технической прослеживаемости акцепта, тогда как при оценке расторжения они дополнительно проверяют соблюдение процедурных требований, включая доказанность направления уведомления и его фактического получения контрагентом.

Наиболее отчетливо асимметрия проявилась в делах, связанных с расторжением договора через систему электронного документооборота. При оценке заключения договоров дефекты электронной подписи нередко преодолевались судами посредством ссылки на последующее одобрение сделки или на фактическое исполнение обязательства, тогда как при оценке расторжения аналогичные дефекты приводили к отказу в признании договора прекращенным. Суды исходили из того, что расторжение договора, заключенного в письменной форме, должно быть оформлено в той же форме и скреплено надлежащими подписями, а электронный документооборот сам по себе не устраняет необходимости соблюдения требований к подписанту. Подобный формальный подход подтверждает вывод о более снисходительном отношении к стадии возникновения обязательства по сравнению со стадией его прекращения.

Отдельную группу образовали споры, в которых сторона, направившая уведомление о расторжении по электронной почте, не могла подтвердить его получение контрагентом. В таких делах суды последовательно исходили из того, что направление сообщения по адресу, указанному в договоре, создает презумпцию доставки, однако эта презумпция является опровержимой и может быть поколеблена доказательствами технического сбоя или блокировки адреса. В изученных актах уведомление, направленное с адреса электронной почты, указанного в реквизитах стороны, и содержащее все существенные условия соглашения о прекращении обязательства, признавалось доставленным. Напротив, уведомление, направленное через мессенджер, не было признано надлежащим, поскольку стороны не согласовали такой способ обмена юридически значимыми сообщениями.

Результаты анализа дел, связанных с защитой прав потребителей, показали, что суды общей юрисдикции более строго подходят к оценке расторжения электронных договоров, заключенных потребителями с образовательными платформами и сервисами по подписке. В изученных актах прослеживается устойчивая линия: если потребитель направил отказ от договора в электронной форме и этот отказ был технически зафиксирован, суд признает договор прекращенным независимо от того, воспользовался ли исполнитель своим правом на подтверждение расторжения. Вместе с тем в случаях, когда исполнитель оспаривал факт получения уведомления, бремя доказывания доставки возлагалось на потребителя, что создавало для него дополнительное процессуальное затруднение. Соответствующие подходы согласуются с общими разъяснениями о защите прав потребителей, согласно которым бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности, возлагается на исполнителя [10].

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с позицией Е. А. Летягиной о том, что электронная сделка не является абсолютным аналогом письменной, поскольку техническая фиксация воли имеет самостоятельное правовое значение и не может оцениваться исключительно по критериям, выработанным для бумажного оборота [1, с. 251-252]. Вместе с тем проведенный анализ позволяет уточнить характер судебного подхода: суды не столько отказываются применять классические нормы к электронным договорам, сколько дифференцируют степень строгости их применения в зависимости от стадии договорного

процесса. На стадии заключения доминирует функциональный подход, при котором дефекты электронной подписи или интерфейса могут быть восполнены последующим поведением сторон. На стадии расторжения, напротив, преобладает формальный подход, требующий соблюдения тех же процедур, которые применялись бы к бумажному документообороту. Такая асимметрия не имеет прямого нормативного обоснования и представляет собой результат судебного усмотрения, что подтверждает выводы В. С. Харькова о разрыве между технической скоростью заключения договоров и необходимостью правовой гарантии достоверности [2, с. 208-209].

Сопоставление с работой А. А. Волоса обнаруживает, что выявленная асимметрия отчасти компенсируется за счет опровержимой презумпции принадлежности сделки субъекту, указанному в документах об электронной идентификации [3, с. 69-70]. Однако эта презумпция работает преимущественно в пользу сильной стороны, контролирующей архитектуру платформы и располагающей техническими средствами фиксации действий пользователя. Слабая сторона, напротив, сталкивается с необходимостью доказывать не только факт направления уведомления о расторжении, но и его получения контрагентом, что в условиях отсутствия единого стандарта электронного взаимодействия создает неоправданные процессуальные барьеры. Позиция А. С. Кускова и Н. В. Сирик о необходимости достижения единообразия нормативно-правового регулирования и судебной практики в сфере электронных договоров получает в свете полученных данных дополнительное подтверждение [4, с. 442-443]. Обзоры практики оформления click-wrap и browse-wrap соглашений также указывают на то, что дефекты интерфейсных решений чаще разрешаются в пользу стороны, контролирующей платформу, что усиливает дисбаланс, выявленный в настоящем исследовании [11].

Ограничения настоящего исследования определяются выборкой судебных актов, которая, будучи репрезентативной для периода 2023-2025 годов, не охватывает практику специализированных арбитражных учреждений и не учитывает в полном объеме дела, рассмотренные в порядке упрощенного производства, поскольку мотивировочная часть таких актов зачастую содержит лишь ссылку на норму без развернутого обоснования. Кроме того, анализ ограничен электронной формой договора и не затрагивает смарт-контракты, правовой режим которых требует самостоятельного исследования с учетом автоматического характера исполнения обязательств. Дальнейшее исследование могло бы быть направлено на изучение того, каким образом суды будут применять предлагаемую презумпцию доставки электронного уведомления и как она соотносится с общими положениями о юридически значимых сообщениях.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что электронная форма договора, будучи нормативно приравненной к письменной форме, на практике порождает существенно различающиеся правоприменительные подходы к заключению и расторжению. На стадии заключения суды демонстрируют функциональный подход, допускающий восполнение технических дефектов последующим поведением сторон; на стадии расторжения преобладает формальный подход, требующий соблюдения процедур, которые не всегда адаптированы к электронной среде. Научная новизна исследования состоит в обосновании асимметрии судебных подходов к заключению и расторжению электронного договора и в выявлении процессуальных барьеров, препятствующих эффективной защите слабой стороны на стадии прекращения обязательства. Перспективным направлением дальнейших изысканий представляется разработка предложений о дополнении статьи 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации положением о презумпции доставки юридически значимого сообщения, направленного по адресу, указанному в договоре, а также об унификации требований к фиксации волеизъявления при расторжении независимо от того, в какой форме был заключен договор.

Литература

1. Летягина Е. А. Электронная форма сделки: теоретические и практические аспекты // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 8(236). - С. 251-256. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_8_251.
2. Харьков В. С. Правовые проблемы, связанные с заключением договоров в цифровой среде (сети Интернет) и способы их минимизации // Экономика. Право. Общество. - 2025. - Т. 10, № 4. - С. 208-213. DOI: 10.21686/2411-118X-2025-4-208-213.
3. Волос А. А. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики // Lex russica. - 2025. - Т. 78, № 5. - С. 68-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.068-076.
4. Кусков А. С., Сирик Н. В. Цифровизация договорных отношений в туристском бизнесе // Цифровые технологии в системе частноправовых (цивилистических) отношений. - 2025. - С. 439-446. DOI: 10.71337/inlibrary.uz.digiteclaw.137201.
5. Стригунова Д. П. О заключении дистанционных контрактов // Вестник экономической безопасности. - 2024. - № 5. - С. 162-165.
6. Кириллова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов : монография. - Москва : ИНФРА-М, 2024. - 123 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
8. Об электронной подписи : Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 15. - Ст. 2036.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 2.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2012. - № 9.
11. Электронные click-wrap и browse-wrap соглашения: заключение, действительность и оспаривание // Oborot.ru. - 2025. - 8 июля. - URL: <https://oborot.ru> (дата обращения: 10.12.2025).